

НЕЗАКОНЧЕННОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ К ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ КРОХАМ

Андрей Лаврухин¹

Abstract

The article is dedicated to comprehension of theses, ideas and positions of the participants of the round table «*December, 19 – from non-politological perspective*». The author puts forward the thesis about the intrinsic interrelation between University community (academic corporation) as «social residence permit» of an intellectual and his/her socio-critical function in the society. The article thematizes a question of the extent and character of participation of University and its representatives in the political life of the society, as well as the question of civil and professional spheres parity, and the presence of Belarusian intellectuals in public space.

Keywords: intellectuals; academic corporation; public space; power; citizenship; social and political role of the University.

Как это обычно бывает, не все мысли приходят в момент обсуждения. Но и не все мысли уходят после него. Скорее, напротив, дискуссия является тем катализатором последующих раздумий, которые ищут собеседника, но, увы, уже не находят его. Такой «эффект лестницы» прошедшего круглого стола «19 декабря – из неполитологической перспективы»² явился причиной предложенных вашему вниманию набросков и соображений – незаконченных, тезисных, возможно, слишком провокативных, слабо аргументированных, но, надеюсь, сохраняющих живость и запал живой дискуссии...

Прежде всего, хотелось бы обозначить место интеллектуала, несмотря на то что говорилось (Игорем Бобковым, Валентином Акудовичем и Альмирой Усмановой), будто интеллектуалу нет места в Беларуси. В этой связи хотелось бы заметить, что классическую социальную прописку интеллектуала никто не отменял, а именно – университет (при этом я опираюсь на незатейливое, но убедительное определение Ле Гоффа: «*Так именуют тех, чьим ремеслом были мышление и преподавание своих мыслей*»³). Конечно, можно сказать, что есть фрилансеры, свободные художники и прочие индивиды, ведущие интеллектуальный образ жизни. Но их социальная

¹ Андрей Лаврухин – кандидат философских наук, доцент департамента философии Европейского гуманитарного университета (г. Вильнюс, Литва).

² См. стенограмму указанного круглого стола в наст. изд.

³ Ле Гофф Ж. *Интеллектуалы в средние века*. СПб., 2003. С. 4.

ответственность целиком и полностью в их и только в их руках: они могут живо откликаться на все события или вовсе ничего не говорить. Другое дело, когда социальная роль интеллектуала определяется его социальной пропиской – *он не может не преподавать свои мысли студентам*. Отвлечься от политики здесь можно лишь в том случае, если сам этот институт выведен за пределы политического, не вовлечён в политику, которая ему (институту) не интересна, и, с другой стороны, самой власти университет тоже не интересен (т. е. она не рассматривает университет как политического актора). И в этой связи возникает вопрос: насколько 19 декабря и предшествующая этому дню серия политических событий 2001–2006 гг. затрагивают университет? На мой взгляд, белорусский университет является политическим актором как минимум с 2004 г. Наиболее очевидным образом вовлечённость университета в политическую жизнь проявилась в момент изгнания Европейского гуманитарного университета (ЕГУ) из Минска (власть открыто признала университет политическим актором), а затем – во время баллотирования Александра Козулина (ректора Белгосуниверситета) кандидатом на пост президента: и в первом и во втором случае университет начал представлять реальную угрозу для власти.

Тем не менее, первые признаки вовлечения университета в политику проявились ещё раньше: как свидетельствуют «недостовверные источники», после выборов 2001 г., когда многие студенты Белгосуниверситета проголосовали против действующего президента. *Именно поэтому университет и все, кто составляют академкорпорацию, не могут не быть политически задействованными: как члены корпорации, они вовлечены в политику поневоле* (действием или бездействием, сотрудничеством с ЕГУ или отсутствием такового, способностью вести разговоры со студентами о политике или умением обходить скользкие темы, наконец, отношением к массовым увольнениям преподавателей, отчислениям студентов и «промывке мозгов» сотрудниками КГБ).

Однако, увы, эта политическая мобилизация извне до сих пор не очевидна для самого академсообщества – несмотря на бесцеремонные действия властей в отношении отдельных его членов, в отношении самого университета (насильственная политизация университета путём введения кафедр идеологии, рекрутинг на «общественно полезные мероприятия», выборы, оправдание насилия, шельмование достойных студентов и преподавателей и пр.), академсообщество по-прежнему делает вид, будто оно к политике не имеет никакого отношения. То, что возможна иная реакция на политизацию извне, нам красноречиво демонстрирует другая, более консолидированная, солидарная и потому вызывающая всяческое уважение (и, признаюсь, даже зависть) корпорация журналистов (БАЗ). Если журналисты давно уже бьют тревогу о нарушении свободы слова, то представители академсообщества с завидной регулярностью отталчиваются. Даже у представителей академической номенклатуры (ректоров) теперь появилось понимание необходи-

мости позиционировать себя в публичном пространстве хотя бы по одному из двух вопросов: а) сгоняли они или не сгоняли на выборы (определиться в этом вопросе требует власть) и б) выгоняли они или не выгоняли (определиться в этом вопросе требует европейский имидж)? А рядовые представители профессорско-преподавательского состава? Как они видят свою позицию в университете? Что изменилось за последние 4–5 лет (с тех пор как изгнали ЕГУ и А. Козулин баллотировался в президенты)?

Между тем нынешняя ситуация радикально переменялась именно в отношении степени вовлечённости представителей университетского сообщества (т. н. «интеллигенции»). Если в 1996–1998 гг. выступили рабочие, то уже в 2001 и, особенно, в 2006-м на политической арене появились студенты.⁴ Это и была интрига 2006 года, колоссальный вызов академкорпорации – и как же она отреагировала на него? Показательна в этом плане полемика в интернете после закрытия ЕГУ. Очень точно позицию академсообщества выразила проф. Румянцева: это сообщество стремится не втягивать студентов в политику, как и члены самого сообщества её сторонятся во имя благой цели – сохранения чистоты идеалов, устремлений и миссии университета (искать истину, воспитывать молодёжь, формировать гармонично развитые личности и т. п.). Но, увы, этому тезису невозможно следовать – преподаватели и университет в целом не могут не рекрутировать студентов на выборы (примеров такого рода отказа университетов участвовать в политике не было), они также не могут сопротивляться увольнениям неблагонадёжных преподавателей и студентов. Словом, чего только они не могут. Зато могут зарабатывать очки на увольнениях (перед властью, с одной стороны, и перед Евросоюзом – с другой), либо упражняться в умелом манкировании сферы политического: и при рекрутинге университета властями, и при рекрутинге его оппозицией. И, пожалуй, самой распространённой ответной реакцией университетских сообществ на внешнюю политизацию явилось привычное для подавляющего большинства граждан Республики Беларусь манкирование политическим участием. И вот здесь возникает вопрос: чем же тогда такая форма участия отличается от формы участия представителей других социальных институтов? То есть чем такой «интеллектуал» отличается (в плане своей гражданской позиции) от продавца, бизнесмена, чиновника или служащего? Видимо, ничем. А вопрос о высокой миссии университета, просвещённых умах и светлых идеалах образования остаётся открытым.

В отличие от самого университета, власть осознала угрозу, исходящую от университета как потенциального политического актора, гораздо раньше как оппозиции, так и самих университетских интеллектуалов, самого академсообщества. Свидетельство тому – наш сегодняшний разговор, когда мы можем размышлять об обществе спектакля, сетовать на дефицит смысла в политических собы-

⁴ Спонтанные, самоорганизующиеся через социальные сети протесты – ещё одно яркое тому подтверждение.

тиях, говорить о том, что нужно действиями, а не словами менять мир, и т. д. Между тем из университетов выгоняют студентов, преподавателей, уже выстроен новый академический паноптикум с его соглядатаями, доносителями, номенклатурным репрессивным аппаратом и пр. В отношении всего этого мы «слепы», поскольку сами являемся членами этой корпорации – спор члена корпорации с самой корпорацией чреват увольнением или отчислением. Исключение здесь, конечно, составляют фрилансеры (Максим Жбанков, Валентин Акудович, Игорь Бобков), но ведь и они не лишены академической жизни – все мы преподаём. И в этом плане, так или иначе, все мы вовлечены в жизнь того института, который по-прежнему, несмотря на все выпавшие на долю университета перипетии, является местом обитания интеллектуалов. И я уверен, что едва ли кто-либо из присутствующих откажется от этого своего места обитания с радостью. В этом смысле своими действиями в академии (преподавание, отношения со студентами и коллегами по кафедрам, с университетской номенклатурой, исследовательская работа) мы вовлекаемся волей-неволей в социальную жизнь, причём в гораздо большей степени, чем мы об этом думаем. В нашей ситуации социальный резонанс от социального поведения членов университетской корпорации вне- и внутриуниверситетского пространства значительно больше, чем резонанс отдельно взятого (т. е. не принадлежащего ни к какой корпорации) гражданина, вышедшего на площадь.

В превращении университета в политического актора содержится и ответ на вопрос, о чём мы можем писать (в отличие от политологов), есть ли что-нибудь такое в событиях 19 декабря, что могло бы стать предметом рефлексии интеллектуала, и какова его роль в происходящем – эта роль уже определена его социальной пропиской, и хочет он этого или нет, он уже позиционирует себя как представителя университета, и университет в его лице позиционируется в политическом поле. Поэтому все речи о высокой миссии и аполитичности университета – это чистейшей воды ханжество. И когда говорят, что событие 19 декабря не интересно с философской точки зрения или же интересно, если это Ги Дебор, то нетрудно себе представить реакцию простого человека, необременённого поисками глубоких или изящных смыслов, не ведающего ни Ги Дебора, ни иных властителей европейских дум, но, несмотря на всё это, слава Богу, не утратившего здравый смысл и элементарные моральные самоощущения. *Я думаю, что нам, интеллектуалам (или как нас там ещё можно назвать), потому и нет места в пространстве Беларуси, что мы скрываемся от реальности, а не отвечаем на её вызовы.* Ведь дефицит смысла (и далеко не в последнюю очередь морального) – это как раз то, что характеризует настоящую ситуацию, когда люди оказались заложниками вот этой беспардонной и деморализующей силы с её посадками в тюрьмы, изгнаниями, сроками заключения, пытками и пр. И получается так, что люди оказались предоставленными самим себе: оппозиция по тюрьмам или ведёт себя так, будто никто и не выдвигал никаких

притязаний на власть и политическое лидерство; власть спекулирует на этом бессилии и безликости оппозиции, а интеллектуалы, которые могли бы в этой непростой ситуации восполнить дефицит смысла, морального чувства и воли, дать хоть какое-то осмысленное разъяснение ситуации, либо говорят о том, что ничего особенного не произошло, либо указывают на необходимость интерпретации через метафору общества спектакля Ги Дебора... Я думаю, неудивительно, что нам нет места в этом обществе – не только потому, что оно невнимательно к словам и сложным мыслям интеллектуалов, но и потому, что нам самим нечего сказать ему, мы в принципе не хотим участвовать с ним в диалоге.

В этом плане, несмотря на то что я никак не могу согласиться со Светланой Алексиевич в её видении роли интеллигенции (на мой взгляд, интеллигент как социальный тип советской поры медленно, но верно исчезает из социального поля в силу новой стратификации), её публичная позиция вызывает уважение, она более понятна и оправдана – известный человек написал открытое письмо президенту и недвусмысленно выразил то моральное самоощущение, которое, несмотря на все интеллектуальные, вкусовые, социальные, экономические, политические и прочие различия, в латентной форме (конечно, у каждого по-своему) зрело в сердце и уме каждого небезучастного гражданина Беларуси. Теперь мы, конечно, можем разбирать это письмо по косточкам, находить плюсы и минусы, но событие сообщения уже состоялось, и, на мой взгляд, оно было вполне адекватно сложившейся ситуации.

При этом я хотел бы быть правильно понятым: *я никоим образом не обвиняю никого в аморальности, бесчувственности или безразличии к проблемам общества.* Более того, уверен, что все мы болеем за него не меньше, чем те, которые кричат о своей заботе на улицах и партсобраниях. Проблема в другом. Прежде всего, в том, что у нас нет опыта публичной жизни, мы не знаем и не умеем общаться в медиа-пространстве, мы не можем воспитывать журналистов (как это делал, например, Фуко, ломавший банальные заезженные сценарии и создававший новые формы интеллектуального медиа-сообщения), мы не знаем, как отзывается наше слово в умах и сердцах его потенциальных потребителей. И всё это не только потому, что у нас не было и, по большому счёту, нет опыта общения в публичном пространстве, *но и потому, что нам самим это не интересно.* Мы не видим смысла в этом общении с почтенной публикой. В этом плане позиция современного интеллектуала в Беларуси преимущественно (за редким исключением) и по сути не отличается от позиции любого белоруса/беларуски – это позиция социально подавленного, запуганного, бессильного и аномичного индивида: я ничего не делаю, потому что ничего не изменить (успех сомнителен), но при этом можно много потерять (потери очевидны); именно поэтому я лучше буду тихо заниматься своим любимым делом (копать картошку или писать книги) и не ввязываться в рискованные и сомнительные мероприятия. Между тем

интеллектуал в самом банальном и нормативном европейском его понимании – это тот, кто, несмотря на все страхи, непредсказуемость и сомнительность дивидендов, идёт на этот риск и в нужное время способен сказать то, что он думает, возместив дефицит смысла и морального самоощущения. Причём сказать так, чтобы это стало понятно всем, то есть он способен не только на решимость рискнуть, но и на, как минимум, участие в создании медиа-сообщения в публичном пространстве, а значит – на созидание самого этого публичного пространства. Именно поэтому я уверен, что если мы не будем создавать публичное пространство в масс-медиа и не будем видеть смысл в таком опыте риска (очень негативный, очень затратный, очень неприятный и как правило, действительно, неблагодарный труд), наш удел – оставаться странными маргиналами, забавными чудаками и диковинными экземплярами рода человеческого.

И в завершение пару мыслей *к вопросу о разграничении гражданской и профессиональной позиций.* Разграничить их можно (есть масса тому примеров), вопрос в другом – нужно ли это делать? Приведу пример разграничения: Армен Джигарханян в одном из интервью оправдывает А. Лукашенко и путает Беларусь то с Литвой, то с Латвией, то с Польшей и др. государствами. Такая политическая ангажированность и географический идиотизм Джигарханяна как гражданина, конечно, не отменяют его бесспорных заслуг в искусстве – он был и остаётся великолепным актером, сыгравшим нетленные роли. Но(!) теперь, когда я смотрю фильмы с его участием, невольно вспоминаю этот его спич во славу власти вообще, вне зависимости от её государственной принадлежности. То есть осадок остался. И он тем сильнее, чем больше известный актер, писатель и пр. выходит в публичное пространство (рассказывает о себе, своём творчестве и пр.).

Иными словами, если вы не отказываете себе в публичности, неизбежно придётся иметь дело со всеми аспектами и социальными ролями, в которых вы как публичная личность выступаете. Если же вы не выдвигаете такого притязания и принципиально воздерживаетесь от публичности, вы можете совершенно спокойно (то есть, отвечая лишь перед самим собой) быть отдельно писателем, отдельно гражданином, отдельно отцом, отдельно членом партии и т. д. Хотя вопрос остаётся: нужно ли это делать? Ведь сознательно отказываясь от публичности, в своём лице мы отменяем публичное пространство как таковое...